УДК 008

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ СОГЛАСИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Ланганс Елена Геннадьевна,
Челябинский государственный институт культуры, доцент, кандидат философских наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: langanseg@mail.ru

Меняева Марина Петровна,
Челябинский государственный институт культуры, доцент, доктор философских наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: mieniaieva73@mail.ru

Аннотация
Цель статьи – анализ ситуации реализации культуры согласия (ее концепция была выдвинута в диссертации М.П. Меняевой) в условиях современного «исторического транзита». Вопрос, на который пытаются ответить авторы: почему культура согласия, актуально «явившая себя» на уровне взаимодействия больших социальных систем в прошлом столетии в связи с событиями Карибского кризиса, практически мало реализуется сегодня.

Ключевые понятия:
согласие, культура, общество, культура согласия, «исторический транзит».

Целостность и единство любого общества, а также социальную преемственность обеспечивает культура. Общезначимый опыт деятельности и отношений людей закрепляется в многообразии ее форм, образцов, эталонов и норм, транслируется и реализуется в жизнедеятельности людей в текущих обстоятельствах, что соответствует воспроизводящей функции культуры.

Безусловно, согласие, понимаемое нами как амирное сосуществование и плодотворное сотрудничество различных, нетождественных социальных сил, сообществ или отдельных его представителей, является для нас ценностью, притом подтвердившей свою значимость в истории человечества. Этика выделяет в качестве фундаментального принципа морали «золотое правило нравственности», которое с древнейших времен задает нормативный идеал отношений между людьми. Формулировки его известны всем. В Евангелии от Матфея дана одна из них: «Итак, во всём, как хотите, что бы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф 7:12). Это правило «работает» и сегодня, требуя относиться к чужому как к своему, благожелательной рефлексивной взаимности [1]. Представляется, что «золотое правило нравственности» несет в себе своеобразный механизм согласия, давно ставший культурной формой межличностных отношений, способствующей их гармонизации. Но, как отмечают исследователи, на уровне так называемой публичной морали (в рамках профессиональных, корпоративных, политических и прочих взаимодействий) это правило не применимо. Данный механизм согласия принадлежит тому элементу нравственной культуры, который реализуется только в частной жизни людей. Что касается формы согласия людей как граждан, то его параметры стали предметом теории общественного договора и в определенной мере были положены в основу конституционного права. Правовая культура, обеспечивающая солидарность отдельных и весьма разных людей в сообществе, включает в себя принципы гражданского согласия, реализуемого в прямой и косвенной форме. Но и эти принципы периодически

дополняются и пересматриваются в связи с меняющимися социально-политическими условиями.

Рассматривая согласие в кризисную эпоху XX – начала XXI вв., на материале проведенного диссертационного исследования [см. 4], не только как результат, но и как процесс конструктивного, плодотворного взаимодействия сторон в предельно острой конфликтной ситуации (как это происходило в ситуации Карибского кризиса) можно выделить некий инвариант такого взаимодействия, что и было зафиксировано в концепте культуры согласия[1]. При этом необходимо отметить, что события Карибского кризиса, явившиеся высшей точкой в «эволюции» холодной войны, вовлекли в свою орбиту не отдельных людей или представителей одного сообщества, но различные, по сути, антагонистические социальные системы, базирующиеся на взаимоисключающих идеологических основаниях.

Процесс подобного взаимодействия начинается с остановки прямого действия с позиции силы (причем с обеих или нескольких сторон), целью которого является уничтожение противника. Основанием «уклонения» от прямого действия становится рефлексивный выход субъектов взаимодействия в пространство мыслительной имитации эскалации и разрешения конфликта, что ведет к смене масштаба и формата осмысления ситуации противостояния. Масштаб осмысления в этом случае задается представлением о последствиях действий с позиции силы не только для прямых участников конфликта, но и для всех, кто непосредственно в него не включен. Акцент – не расчёт количества единиц орудий и средств силового воздействия для победы над противником, а представлением о равенстве предельно негативных последствий, о едином для всех негативном сценарии разворачивания событий.

В этом плане каждый субъект взаимодействия как бы видит себя и другого из некоей внешней позиции промысленных последствий, что приводит к пониманию их равного положения в ситуации положения, угрожающего существованию всей системы, которую они представляют. Это, в свою очередь, создает предпосылки для формирования некоего коллективного субъекта согласия. Остановка прямого действия в то же время освобождает место для коммуникации, содержанием которой становится поиск не силового, а мирного выхода из кризисной ситуации. И наконец решение, развернутое в договоры, проекты, а также программы совместного существования, закрепляется в документах и проводится, реализуется посредством специальных организаций и учреждений.

Подобные документы определяют регламенты действий, предотвращающих возникновение подобных конфликтов, позволяющие выстраивать дальнейшее сотрудничество различных социальных систем [2]. После окончания Карибского кризиса, кроме всего, идея международного сотрудничества (согласия) постепенно вошли в массовое сознание и стала еще одной культурной формой согласия, определяющей взаимоотношения людей, принадлежащих к разным социальном системам, причем как на публичном, так и на индивидуальном уровне.

---

[1] Существенные признаки культуры согласия образуют ее структуру, которая состоит из трех элементов: воздержание от импульсивных, необдуманных действий в ситуации непримиримых противоречий; поиски новых форм конструктивного решения конфликтов; наличие институтов разного уровня, обеспечивающих и гарантирующих стабильное сосуществование людей [4, с. 16]. Каждый из элементов испытывает развивающее воздействие со стороны двух других. Так, воздержание от импульсивных, необдуманных действий способствует поискам новых путей согласия и созданию соответствующих институтов; поиски новых форм решения конфликтов удерживают от импульсивных действий и требуют институционального закрепления; наличие институтов сдерживает любые проявления импульсивных действий и обеспечивает поиски новых путей и способов решения конфликтов [4, с. 15].

[2] Заметим, что концепция культуры согласия отличается по содержанию от различных теорий конфликта, представленных в конфликтологии (см., например, Неклесса, 2001), тем, что в ней фиксируется исторический опыт институализации культурных форм согласия. Представляется, что конфликтология, которая начала формироваться в середине XX в., явилась частью той культуротехнической работы, которая необходима для развития культуры согласия в новых исторических условиях.

Однако если теперь «поместить» данную модель культуры согласия в реальную историю конца прошлого и начала нынешнего века, то оказывается, что ее (культуры) воспроизводящая функция сегодня практически не реализуется. Хотя начало определенного этапа в истории культуры согласия и было положено событиями Карибского кризиса и его разрешением, антагонистические противоречия и острые конфликты, переходящие в открытые или скрываемые военные действия, множатся, террористические акции не прекращаются. Что же происходит? Очевидно, что указанная функция культуры осуществляется в неизменных или очень медленно меняющихся социально-исторических обстоятельствах. Культурные образцы воспроизводятся, если для этого есть условия. По всей вероятности, подобные условия существовали в период архаики, где процессы истории, не характеризовались такими признаками, как нарастающая скорость перемен и турбулентность, а у социального времени не существовало такого измерения, как будущее.

Совершенно иначе можно охарактеризовать нынешнюю эпоху, а именно как «исторический транзит в постсовременность». Последнее представление ввел в ряде статей и выступлений А.И. Неклесса [5; 6; 7]. Помимо указанных характеристик, он выделяет такие, как кризис демократических институтов и идей, анархиизация общества, «неоархаизация социума» в условиях разрушения прежнего культурного контекста и т. п. И еще, размышляя над словами папы Иоанна Павла II, сказанными на исходе прошлого века, о новой реальности, где происходит экспансия «культуры смерти», А.И. Неклесса пишет: «Культура смерти – это выходящая в наши дни из глубин подсознания в пространства общественной жизни тяга части человечества к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой почти иррациональной характер, однако использующая разнообразные достижения цивилизации и проявляющаяся в широчайшем диапазоне: от имеющих высокотехнологичную основу событий 11 сентября 2001 года до ... нарастающей на протяжении после дних лет эпидемии террористов-самоубийц...» [5].

На арене истории сегодня выступает множество различных и порой анонимных субъектов (вспомним, например, что организаторы атаки на Всемирный торговый центр или захвата заложников на показе «Норд-Оста» так и остались неизвестными). Они имеют абсолютно разные, несопоставимые картины мира и истории, а иногда обходятся архаическими мифами, с которыми себя идентифицируют. Напротив, в событиях Карибского кризиса участвовали субъекты, придерживающиеся, как было сказано, взаимоисключающих идеологий, но мыслящие в рамках одной онтологии, где бытие важнее небытия, жизнь важнее смерти, а будущее является ценностью. В образцах и нормах культуры согласия, сформированных в тот период и осуществляющихся в полном объеме в течение сравнительно небольшого в рамках истории времени, присутствовало «онтологическое право» [2] человека и общества – право на существование, право на жизнь и будущее.

В древности культура формировалась в противостоянии человека со стихиями природы, с ее угрожающей жизни социума разрушающей силой и непредсказуемостью [3]. Сегодня, когда, « Транзит от индустриализма modernity к нелинейной действительности сложного мира происходит на наших глазах» [6], стихийной, опасно диверсифицированной и непредсказуемой стала социальность. В этих условиях проблемой становится развитие культуры согласия, построение онтологических оснований ее так необходимого следующего этапа.

1. Апресян Р.Г. Генезис золотого правила // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 39–49.

2. Генисаретский О.И. Рефлектированный институционализм. URL: http://www.shkp.ru/lib/archive/methodologies/2001/2 (дата обращения: 10.02.2017).

3. Генисаретский О.И. Упражнения в сути дела. М.: Русский мир, 1993. 279 с.

4. Меняева М.П. Культура согласия: сущность, становление, воспроизводство: автореферат дис. ... доктора филос. Наук. Челябинск, 2015. 41 с. URL:

http://dlib.rsl.ru/01006645164 (дата обращения: 10.02.2017).

5. Неклесса А.И. Будущее как усилие // Независимая газета 5 о кт. 2016 г. URL: www.ng. ru/ideas/2016-10-05/5_future.html (дата обращения: 10.02.2017).

6. Неклесса А.И. Трансмутация истории // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 58–71.

7. Н еклесса А .И. Ц ивилизация с мерти. U RL: http://www.intelros.ru/subject/eshatalog/181-aleksandr_neklessa_civilizacija_smerti.html (дата обращения: 10.02.2017).

8. Пископпель А.А. Теория конфликта и оргконфликтный подход // «Кентавр» Методологический и игротехнический альман ах. 2005. Вып. 38. С. 68–75.

References

1. Apresyan R.G. (2013) *Voprosy filosofii,* no. 10, pp. 39–49 [in Rus].

2. G enisaretskij O .I. R eflect o n i nstitutionalism, available at: http://www.shkp.ru/lib/archive/method - ologies/2001/2 (accessed 10.02.2017) [in Rus].

3. Genisaretskij O.I. (1993) Exercises in fact. Moscow, Russkij mir, 279 p. [in Rus].

4. Menyaeva M.P. (2 015) Consent of Culture: the essence, the development, rep roduction. Chelyabinsk, 41 p. [in Rus].

5. Neklessa A.I. (2016) The future as a force, available at: http://www.ng.ru/ideas/2016-10-05/5_future.html (accessed 10.02.2 017) [in Rus].

6. Neklessa A.I. (2001) *Voprosy filosofii,* no. 3, pp. 58–71 [in Rus].

7. Neklessa A.I. The civilization of death , available at: http://www.intelros.ru/subject/eshatalog/181-aleksandr_neklessa_civilizacija_smerti.html (accessed 10.02.2017) [in Rus].

8. P iskoppel' A .A. (2005) *«Kentavr» M etodologicheskij i igrotexnicheskij al'manax* , no. 38, pp. 68–75 [in Rus].

UDC 008

ON SETTING A PRO BLEM OF DEVELOPING CULTURE OF AGREEMENT DURING TIME OF CHANGES

Langans Elena Gennadyevna,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Associate Professor,
Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: langanseg@mail.ru

Menyaeva Marina Petrovna,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Associate Professor,
Doctor of Philosophy,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: m ieniaieva73@mail.ru

Annotation
The aim of the article is to analyze implementation of culture of agreement (this con ception was proposed by M.P. Menyaeva in her thesis research) in the context of "historic transit". The question which the authors are trying to answer is: why the culture of agreement implemented on the lev el of interaction between large social systems in the last century in co nnection with the events of the Caribbean crisis is hardly implemented today.

Key concepts:
agreement,
culture,
society,
culture o f agreement,
«historic transit».